

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ДРЕВНЕГО ВОСТОКА

Академик В. В. Струве

Ведущаяся в настоящее время работа по созданию 4-томной истории мировой культуры («Культура и человечество») является, несомненно, задачей, достойной советской обществоведческой науки. На самом деле, исследование и утверждение основных понятий о развитии культуры человечества на протяжении таких эпох, как доклассовое, рабовладельческое, феодальное, капиталистическое и социалистическое общества, весьма актуальны. При этом перед специалистами, разрабатывающими вопросы истории древнего Востока, неизбежно встают такие проблемы, как характеристика восточной общины, антагонистическое разделение труда, формы древневосточного рабства и категории этноса. По данным проблемам существует обильная литература. Их касался в ряде работ и автор этих строк¹. Конечным выводом моих исследований об установлении способа производства в обществах древнего Востока было утверждение, что последние являлись в смысле своей формации первой ступенью в истории развития рабовладельческих обществ. Правда, я мог это положение доказать или, во всяком случае, сделать его весьма вероятным на основании того исключительного материала, который дают в руки историка замечательные документы хозяйственной отчетности, раскопанные в царских и храмовых архивах Шумера эпохи III династии Ура (2132—2024 гг. до н. э.). Эти данные были дополнены в дальнейшем историческими надписями и хозяйственными документами времени правления царя-реформатора в Лагаше Урукагины и его двух предшественников. В статье «Удельный вес рабского труда в храмовом хозяйстве досаргоновского Лагаша»² я привел данные, доказывающие рабовладельческий характер общества шумерийского города-государства Лагаш уже в первой четверти XXIV в. до н. э. С этим основным выводом о рабовладельческом характере общества Шумера выражали, по существу,

¹ См. В. В. Струве. Выступление на дискуссии в ГАИМК об азиатском способе производства в высказываниях Маркса и Энгельса. «Дискуссия об азиатском способе производства». (Ротапринт). 1931, стр. 96 сл.; Проблема зарождения, развития и разложения рабовладельческих обществ древнего Востока. «Известия Государственной академии истории материальной культуры (ГАИМК)». Вып. 77, 1934, стр. 32—111, 157—181; Очерки социально-экономической истории древнего Востока. М.-Л. 1934; История древнего Востока. Краткий курс. М. 1934; История древнего мира. I. Древний Восток. М. 1936; Марксово определение раннеклассового общества. «Советская этнография», 1940, № III; История древнего Востока. Л. 1941; Общественный строй Южного Междуречья в эпоху III династии Ура (2132—2024 гг. до н. э.). «Юбилейный сборник, посвященный 30-летию Великой Октябрьской социалистической революции». Ч. 2. М.-Л. 1947, стр. 720 сл.; Новые данные об организации труда и социальной структуре общества Сумера эпохи III династии Ура. «Советское востоковедение», 1949, № 4, стр. 149 сл.; К вопросу о специфике рабовладельческих обществ древнего Востока. «Вестник» Ленинградского университета, серия общественных наук. Вып. 3, № 9, 1953, стр. 81 сл.; Община в Египте, Шумере и в Индии. «Сборник» Ленинградского университета для XXVI съезда востоковедов в Дели. «Вестник» Ленинградского университета, № 20, серия истории, языка и литературы. Вып. 4, стр. 52—64.

² См. «Вопросы истории», 1960, № 2, стр. 34 сл.

свое согласие также А. И. Тюменев в его монументальном труде о древнем Шумере³ и И. М. Дьяконов в докторской диссертации «Шумер»⁴.

К сожалению, для определения способа производства древнеегипетского общества историки в течение долгого времени не располагали теми доказательными источниками, какие предоставляют исследователю хозяйственные архивы Шумера. Поэтому я был вынужден в целях большей результативности определения формации обществ древнего Востока приступить к работе по изучению шумерийских документов, хотя первоначально, будучи учеником Б. А. Тураева, я являлся в качестве филолога лишь египтологом. Эту работу по исследованию способа производства в обществах древнего Египта продолжил наш, на мой взгляд в настоящее время самый авторитетный, египтолог Ю. Я. Перепёлкин⁵ и его ученики О. Д. Берлев⁶ (Ленинград) и Т. Н. Савельева⁷ (Москва). В то же время включились в работу над определением характера древнего общества долины Нила москвичи М. А. Коростовцев⁸, И. С. Кацнельсон⁹ и Д. Г. Редер¹⁰, а в Черновцах — доцент университета Е. В. Черезов¹¹.

В самые последние годы были обнаружены среди папирусных фондов музеев США ценнейшие источники, которые могут дать советскому историку возможность сделать столь же чреватые последствиями выводы, что и глиняные таблички древнего Шумера. Над этими изданиями работает сейчас молодой советский египтолог О. Д. Берлев, который, опираясь на советы Ю. Я. Перепёлкина и достижения последнего по новой интерпретации источников, получил теперь основания для выводов, точных в той же мере, что и сделанные советскими историками Шумера.

Классовые общества древнего Ближнего Востока — вавилонское, ассирийское, хеттское, древнееврейское, финикийское, урартское, эламское, персидское и другие — также являлись обществами рабовладельческими. Таковыми рассматривал древневосточные общества и В. И. Ле-

³ А. И. Тюменев. Государственное хозяйство древнего Шумера. М.-Л. 1956.

⁴ И. М. Дьяконов. Общественный и государственный строй древнего Двуречья. Шумер. М. 1959.

⁵ Ю. Я. Перепёлкин. Меновые отношения в староегипетском обществе. «Советское востоковедение», 1949, № 6; его же. О деньгах в древнейшем Египте. В кн.: «Древний Египет». М. 1960.

⁶ О. Д. Берлев. «Дом царя» в эпоху Среднего царства. «Доклады» советских участников XXV Международного конгресса востоковедов (XXV МКВ). М. 1960; его же. Семья царя... «Вестник древней истории» (ВДИ), 1961, № 3.

⁷ Т. Н. Савельева. К вопросу о значении терминов... «Древний Египет»; ее же. Надписи строителей пирамид как исторический источник. XXV МКВ; ее же. Данные надписи Мечена о характере частного землевладения в древнем Египте в конце III и начале IV династий. «Древний мир». Сборник статей. М. 1962.

⁸ М. А. Коростовцев. Декрет Сети I в Наури. «Исторический архив», 1939, № 2; его же. Stele de Ramsès IV. «Bulletin de l'Institut français d'archéologie orientale du Caire», 1947, № 45, и др.

⁹ И. С. Кацнельсон. Проблемы исторического развития древнейшей Нубии. ВДИ, 1948, № 2; его же. Нубия под властью Египта. «Вестник» Московского университета, 1948, № 6; его же. Нубийское государство. «Доклады и сообщения» исторического факультета Московского государственного университета. Вып. 8, 1948; его же. О значении древнеегипетского термина мерет. ВДИ, 1954, № 2; его же. Некоторые черты государственного строя древней Нубии в VI—IV вв. до н. э. «Древний Египет».

¹⁰ Д. Г. Редер. Рабы и подданные (семдет) египетских храмов... «Ученые записки» исторического факультета Московского областного педагогического института, 1940, № 2; его же. Экономическое развитие Нижнего Египта (Дельты) в архаический период (V—IV тысяч. до н. э.). «Древний Египет»; его же. Появление мотыги и плуга в древнем Египте и Шумере. «Древний мир», и др.

¹¹ Е. В. Черезов. К вопросу о поземельных отношениях в Египте Древнего царства. ВДИ, 1949, № 3; его же. Социальное положение мерет в храмовом хозяйстве Древнего царства. ВДИ, 1951, № 2; его же. К вопросу о значении древнеегипетских терминов... ВДИ, 1952, № 2; его же. К вопросу о хентиуше... ВДИ, 1950, № 4; его же. Категория рабов-иноземцев хему... «Научный ежегодник» за 1956 г. Черновцы. 1957; его же. К вопросу о рабах-иноземцах в древнем Египте. «Древний мир».

нин. Об этом с бесспорностью свидетельствует соответствующий контекст в его лекции «О государстве». Если В. И. Ленин был убежден, что общества древнего Востока были рабовладельческими, то это могло быть, по-видимому, обусловлено свидетельствами из свода законов вавилонского царя Хаммурапи, с которыми В. И. Ленин, как юрист по образованию, несомненно, был знаком. Действительно, законы этого царя, правившего в 1792—1750 гг., могут служить блестящим подтверждением известного тезиса В. И. Ленина: «Рабовладельцы и рабы — первое крупное деление на классы»¹². Разнообразные дошедшие до нас источники по истории древних обществ Передней Азии свидетельствуют, что разлагавшийся первобытнообщинный строй перерастал под воздействием мощной цивилизации Шумера и Вавилонии в строй рабовладельческий.

Вопрос о способе производства в древних обществах Индии и Китая я здесь рассматривать не буду, поскольку я не могу самостоятельно интерпретировать письменные памятники древних культур Среднего и Дальнего Востока. Замечу лишь, что ныне их история должна освещаться без какого-либо отрыва от истории всех других древних обществ, в том числе и рабовладельческих обществ Нового Света. По-видимому, советские специалисты смогут дать свой ответ на характер социально-экономических отношений и в древней Америке. Первым существенным шагом к разрешению этой задачи явились оригинальные труды Ю. В. Кнорозова и Р. В. Кинжалова. Это позволит нам создать подлинную историю мировой культуры, понимаемую как культура всех континентов земного шара. Но независимо от того, какая область будет подлежать исследованию, нам нужно будет помнить во всех случаях, когда речь пойдет об обществах, использовавших развитую ирригационную систему, что невозможно создать при низком уровне развития производительных сил, свойственном разлагавшемуся первобытному обществу, большую ирригационную систему на основе одного лишь добровольного труда объединенных родовых или сельских общин. Безусловно, прав был Ф. Энгельс, когда он писал, что «человек, бывший вначале зверем, нуждался для своего развития в варварских, почти зверских средствах, чтобы вырваться из варварского состояния»¹³. Крупная ирригационная сеть каналов могла быть создана только длительным, интенсивным и упорным трудом значительного числа людей; поэтому на заре цивилизации она не могла быть осуществлена простым добровольным трудом объединенных соседских общин. Наряду с добровольным трудом на той ступени общественного развития необходимо было и насилие, заставлявшее подневольного человека рыть каналы, насыпать дамбы и т. д. Для подобных землекопных работ, требующих не серьезного мастерства, а одной лишь физической силы, могли быть с успехом использованы рабы.

Для создания ирригационного хозяйства шумерийского города-государства или какого-нибудь из объединений номов в долине Нила требовалось, помимо использования труда общинников, еще и применение труда многих и многих рабов. Подобное же скопление рабов, притом преимущественно мужчин, требовало, в свою очередь, определенной организации со стороны государства, чтобы держать рабов в подчинении. Эти рабы, выполнявшие основной труд по созданию ирригационной сети, находились в коллективном владении тех общин, которых ради создания крупного сельского ирригационного хозяйства объединила государственная организация. Число рабов, пребывавших во владении отдельных семей, было сравнительно невелико, так как эти древнейшие государства еще не имели силы, чтобы обеспечить отдельным семьям возможность владения значительной массой подневольных лиц. Наряду с рабами в борьбе с рекой использовался тогда, хотя

¹² В. И. Ленин. Соч. Т. 29, стр. 438.

¹³ Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. Госполитиздат. 1948, стр. 170.

и в меньшей степени, труд самих членов общин, который для последних был столь же обязательным, как и участие в войне с врагом.

Данные соображения о характере общественных работ, связанные с созданием ирригационной сети, в Шумере и древнем Египте, если их принять, повлекут за собой определенные выводы и относительно обычаев, традиций и культуры древнего Востока — древнейшей классовой культуры в истории человечества. Природные условия, в которых пребывали рабовладельческие государства древнего Востока, благоприятствовали поступательному движению общества. Но следует помнить, что только там, где имелась естественная сила природы в виде больших рек и их разливов, которая и при низком уровне развития техники и организации труда может превратиться в мощную производительную силу, становилось возможным более быстрое перерастание первобытнообщинного строя в классовое общество. В обычных условиях разрушение первобытного коллектива таит в себе большую опасность для дальнейшего развития этого строя, так как в дальнейшем отдельные большие семьи, на которые распадается первобытные общины, продолжают оставаться изолированными, поскольку не было стимула к новому их объединению на более широкой базе. Таким образом, первобытнообщинный строй в своем разложении приобретает застойный характер, оставаясь неизменным на протяжении многих веков, как это случилось, например, в Скандинавии. Лишь когда в течение длительного времени устанавливаются и закрепляются межплеменные обмен и торговля, создаются предпосылки для появления товарного производства; только в результате подобного процесса, наполняющего собой ряд тысячелетий, может родиться классовое общество.

В Шумере же, а также и в древнем Египте, не могло быть и речи о товарном производстве в ту отдаленную эпоху, когда в их речных долинах стало складываться классовое общество. Тогда первобытнообщинный, родовой строй еще не успел здесь до конца разложиться; старейшина рода или племенной вождь сохранял до известной степени свое былое значение, и вместе с тем на него была возложена новая функция, поскольку он становился теперь главою государства. Подобное слияние в лице правителя шумерийского города-государства (или главы союза нескольких египетских номов) сразу авторитета начальника рода (вождя племени) и власти правителя государства представляло шумерийским и египетским царькам ту абсолютную полноту власти, которая присуща деспотии. Но в восточной деспотии сохранялись элементы еще доклассового общества; это нашло отражение в замечании Ф. Энгельса, что восточный деспот и сатрап стадильно соответствует греческому начальнику рода и главе шотландского клана.

Централизованные деспотии, возникавшие на территории городов-государств Шумера, очень рано стали нуждаться в обмене и торговле, поскольку в самом Южном Междуречье из технического сырья имелись в изобилии лишь глина и тростник и отсутствовали те деревья, которые могли быть использованы в качестве строевого леса не только для мореходных кораблей, но хотя бы для речных ладей. Поэтому города-государства Шумера очень рано стали нуждаться в обмене и торговле, о чем свидетельствует архив шумерийского города, раскопанный под холмом Джемдет-Наср на севере Южного Междуречья и датированный исследователями самым началом III тысячелетия до н. э. Согласно свидетельству табличек из данного архива, как это установил советский исследователь А. А. Вайман¹⁴, в государственном управлении

¹⁴ А. А. Вайман. Два клинописных документа о проведении оросительного канала. «Труды» Государственного Эрмитажа. Т. 5. 1961; его же. Клинописная хозяйственная табличка, ГЭ № 15066. «Сообщения» Государственного Эрмитажа, 1960, № 19, и др.

весьма крупную роль играл тамкар (торговый агент), по всей видимости, глава тамкаров данного города-государства. Следует отметить, что термин «тамкар» восходит не к шумерийскому языку, а к языку семитическому. Надо полагать, что семитические племена в Северном Междуречье в ту отдаленную эпоху вели еще кочевой или полукочевой образ жизни и могли пользоваться северошумерийскими городами-государствами как контрагенты при обмене зерна и фиников. Шумера на необходимые последнему медь, серебро, олово, строевой лес и т. д. Впоследствии тамкары стали рекрутироваться и из среды шумерийцев, семитическое же название сохранилось за лицами этой профессии, осуществлявшими обмен шумерийскими товарами с окружающими странами на караванных путях. Что касается обмена, имевшего место на речных и морских путях, то он, надо полагать, осуществлялся еще и в древнейшую эпоху представителями самой шумерийской народности, осваивавшей речное судоходство, а на крайнем Юге и мореходство.

В несколько ином положении, нежели общество Шумера, а впоследствии и Вавилонии, находилось общество древнего Египта вследствие изолированности долины Нила (в противоположность южной части Междуречья, открытой воздействию окружающего мира со всех сторон). Поэтому общество Египта не могло вступать в тот оживленный обмен с областями Передней Азии, который связывал последние с городами-государствами Шумера. Вместе с тем следует сказать, что долина Нила, собственно, и не нуждалась в столь интенсивном обмене, коль скоро территория самого Египта и областей, непосредственно примыкавших к нему, была богата разнообразным техническим сырьем. Действительно, в тех горных цепях, которые окаймляли долину Нила с обеих сторон, было много ценных каменных пород, которые снабжали архитекторов и ремесленников Египта обильным строительным и поделочным материалом. В самой долине Нила, наряду с глиной и тростником, имелись и деревья (акация, сикоморы), которые хотя и не были пригодны для сооружения больших морских кораблей, но могли быть использованы для изготовления речных ладей и т. п. Египетское государство располагало также богатыми запасами металлов, добываемых в областях, непосредственно примыкающих к долине Нила. Таким же образом египтянами добывалось золото: к востоку от долины реки и на юге, в Нубии. Экспедиции для добычи золота приносили египетскому государству столь большие богатства, что это издавна привлекало внимание его соседей. Недаром письма из «Амарнской переписки» правителей Передней Азии к фараону заполнены просьбами о присылке золота.

Таким образом, в Египте было все то, что требовалось для создания большого ирригационного хозяйства, и это обстоятельство должно было сыграть весьма существенную роль в истории этого второго по древности ближневосточного государства. Дело в том, что изобилие естественных богатств, добываемых или в самом Египте, или же в областях, подчиненных последним силой оружия, не требовало столь настоятельного обмена, как это имело место в Шумере, а затем и в Вавилонии. Поэтому торговый агент, игравший уже в древнейшее время довольно значительную роль в шумерийских городах-государствах, не засвидетельствован в египетских источниках III тысячелетия до н. э. «Шуити» (египетское соответствие шумерийским «тамкарам») появляются в текстах, согласно Большому египетскому словарю, лишь с середины II тысячелетия до н. э. Незначительная роль, которую играли обмен и торговля в древнем Египте, обусловили здесь и устойчивость сельской общины в противоположность общине Шумера, где в конце III тысячелетия до н. э. общины настолько разрушились, что превратились из организации свободных людей в отряды рабов и рабынь; поэто-

му-то в текстах той эпохи говорится об «общинах» рабов и «общинах» рабынь. Но египетская община сохранила вплоть до Птолемеевой эпохи свою организацию, весьма близкую организации индийской общины, описанной К. Марксом. Указанная близость между сельской общиной долины Нила и индийской общиной как раз и побудила автора этих строк в свое время утверждать, что в древнем Египте «казиатский способ производства» просуществовал вплоть до эллинистической эпохи. Подобная устойчивость сельских общин в Египте имела своим последствием то, что здесь эксплуатация народных масс не могла принять таких размеров, как в Шумере, где масса бывших общинников превращалась в рабов. В Египте же усиление эксплуатации вызывало ожесточенное сопротивление общин, не потерявших своего значения, и это сопротивление вылилось в несколько крупных восстаний, разразившихся около 2100 г., 1750 г. и 1200 г. до н. э. В Шумере же, где общины рано стали терять свое значение, в дошедших до нас источниках народные восстания, подобные упомянутым египетским, не засвидетельствованы. Реформы Урукагины были, правда, направлены на облегчение положения народных масс, но они, конечно, не могли привести к тому, что случилось, согласно сообщению одного из источников, в Египте во время очередного восстания, когда «страна перевернулась, подобно гончарному кругу», так что низы общества стали его верхами.

Я остановился несколько подробнее на указанных отличиях между обществами Египта и Шумера, в других отношениях столь близких друг к другу, вследствие того, что нередко в общих работах и учебных пособиях древневосточные общества бывают представлены почти без их специфических, отличительных черт. Указание же на отличия между изучаемыми обществами является столь же необходимым, как и указание на общие их черты, ибо лишь в этом случае исторический обзор послужит выработке правильных взглядов. Например, иногда встречаются ссылки на наличие централизации в Египте и Вавилонии и некоторых других странах и децентрализации в Хеттском царстве, Финикии и Палестине. К сожалению, вместе с тем не указывается на различие путей генезиса государства в обществах Шумера и Египта — с одной стороны, и в обществах хеттском и финикийском — с другой. Дело в том, что тезис о централизации и децентрализации не указывает с необходимой точностью на отличие обществ Шумера и Финикии, поскольку как в Шумере (начиная с последних веков IV тысячелетия и вплоть до середины III тысячелетия до н. э.), так и в Финикии налицо конгломерат более или менее самостоятельных городов-государств. Лишь около 2400 г. до н. э. в Южном Междуречье начинает устанавливаться единое централизованное государство. Поэтому правильнее было бы говорить не о централизации и децентрализации, а об образовании в Шумере в результате проведения крупных общественных работ, связанных с созданием ирригационной системы, государства; в Финикии же процесс перехода к классовому обществу имел место в результате длительного и интенсивного обмена и торговли с городами-государствами Шумера и с государством египетских фараонов.

Известно, сколь большое значение придавали основоположники марксизма такому факту, как начало обработки металлов, в развитии общества. Между тем это обстоятельство нашими специалистами не всегда учитывается. При анализе эволюции экономики ближневосточных стран в древности всегда следует иметь в виду соотношение всех трех «металлов древности» — меди, бронзы и железа. Бронза в особенности стала играть очень рано весьма крупную роль в Южном Междуречье, а несколько позже и в долине Нила. Это привело к поискам таких металлов, как свинец и олово, которые нужны были древневосточным ремесленникам для превращения меди в бронзу. Между прочим, свинец и олово называются в шумерийском, вавилонском и

египетском языках одним и тем же словом. Стадиально их использование совпадает с той эпохой, когда сельские общины в обществах древнего Востока стали сменять родовые общины, то есть когда они стали переходить от кочевого образа жизни к оседлому, хотя хронологически это совпадение наблюдается далеко не всегда.

Еще один важный круг вопросов связан с анализом форм эксплуатации свободных общинников и рабов как основы развития культуры рабовладельческого общества. Следует помнить, что, например, в Шумере в период наличия самостоятельных городов-государств положение общинников и рабов существенно отличалось хотя бы уже в одном том, что работа общинника на государство или на храм была ограничена определенным временем. Вообще схематизм при разрешении подобных проблем нежелателен. Так, распространена уже ставшая чуть ли не общим местом точка зрения, что на Востоке не было интенсивной эксплуатации, а также сильного угнетения рабов; что там отмечаются слабые масштабы внедрения рабства в производство и небольшая численность рабов; что действовало разрешение рабам иметь семью, в результате чего можно говорить об относительности граней между рабом и имущим общинником. Между тем это явно не соответствует данным о рабовладельческом хозяйстве, которые засвидетельствованы в документах Урукагины, царя Лагаша, и его двух предшественников. Действительно, согласно свидетельству документов указанной эпохи, рабы эксплуатировались в течение круглого года, а свободные — лишь 4—5 месяцев. Еще при Урукагине приносились в жертву наряду со скотом и рабы, как мужчины, так и женщины. Нельзя сказать также, что при Урукагине масштабы внедрения рабского труда в производство были небольшими, коль скоро рабы использовались на плантациях финиковых пальм, в ремесле, в работах на транспорте и в качестве черно-рабочих, а рабыни в храмовом хозяйстве занимались ткачеством, изготовлением муки и пива. Что касается численности рабов, занятых, например, в хозяйстве храма богини Босбы (первые годы царствования Урукагины), то их было (мужчин, женщин и подростков) 402 человека, а им противостоял 261 свободный работник — почти исключительно мужчины, поскольку свободные женщины были заняты в хозяйстве своих семей. Мы находим иной раз в специальной литературе утверждение, что древневосточному рабу разрешалось иметь семью; но, согласно документам хозяйственной отчетности эпохи Урукагины, дети рабыни были приписаны к их матери, и отец их не назывался; в вавилонскую эпоху раб, в противоположность свободному, также не имел «отчества». Утверждение об относительности граней между рабом и имущим общинником на Востоке может найти свое подтверждение в Шумере лишь после эпохи Урукагины, когда многие из свободных общинников и работников храма, имевших поземельные наделы, потеряли свободу, и в этом процессе превращения их в рабов долговое рабство сыграло свою роковую роль. Я уже отмечал, что общины в эпоху III династии Ура (2132—2024 гг.) превратились из организации свободных людей в организацию рабов, сохраняя свое старое название («уру»). Эти шумерийские «общины» той эпохи можно сопоставить с поселениями рабов Рима, где отдельно жили рабы и рабыни, поскольку в Шумере мы находим «уру» рабов и «уру» рабынь.

Наконец, серьезнейшей проблемой, еще ждущей разрешения, является определение этнических категорий. Здесь надлежит принимать во внимание соотношение кочевничества и оседлости — с одной стороны, этническую границу между свободными и рабами — с другой. Последняя тесно связана с моментом устойчивости общины. Действительно, до захирения сельской общины понятия «общинник» и «свободный» в Шумере совпадали, а после разрушения общины этническая граница уже не разделяла здесь свободных и рабов. В древнем же

Египте, где старая община существовала вплоть до эллинистической эпохи, невзирая на крупные народные движения, у народа долины Нила его этническое лицо сохранялось тысячелетиями. Это этническое лицо почти не менялось, несмотря на обезличенность общинника, как будто бы стирающую грань между ним и рабом. Конечно, общинник шумерийского города-государства или долины Нила был обезличенным по сравнению, скажем, с рядовым афинским гражданином после реформ Клисфена. С полным правом можно противопоставлять общинникам в древневосточном обществе его господствующие прослойки — жрецов и чиновников, хотя и здесь нужна конкретизация этих разрядов господствующего класса. Ведь наряду со жречеством, которое обеспечивало обычный пышный культ богам в храмах, в Шумере и Вавилонии, а также в долине Нила имелась еще категория жрецов, функцией которых были заклинания, как бы ликвидирующие «уже наступившее зло», а также предсказания «еще грядущего зла», причем подобные жрецы занимали в обществе соответственно и особое место. Оговорки необходимы и относительно чиновничества. Как известно, основным признаком чиновника в Шумере и древнем Египте, который выделял его среди окружающих людей, являлась грамотность; поэтому основным его обозначением в текстах служит термин «писец». Огромная роль весьма сложного древнего письма, фиксировавшегося в Шумере на глиняных табличках, а в Египте — на папирусах, выделяла чиновника и превращала его в руководителя трудового люда. Грамотность в Шумере вообще, по существу, была ограничена писцами-чиновниками вследствие сложности самого письма, включавшего в себя обильные элементы идеографии. Это обстоятельство заставило даже некоторых исследователей полагать, что идеографическое письмо Китая восходит к письменности Шумера. Что касается иероглифического письма древнего Египта, то оно содержит обилие фонетических элементов и включает в себя тот первый в истории человечества алфавит из 24 букв, к которому восходит финикийское письмо — первое алфавитное письмо мира. Возвращаясь к вопросу о соотношении этнических и социальных моментов, скажем, что его разрешение в значительной мере зависит от того, насколько успешно будут разрешены вопросы эволюции древнего общества и составляющих его социальных прослоек¹⁵.

При анализе этих вопросов всегда всплывает проблема матриархата и патриархата в древних обществах. Пережитки матриархата были здесь довольно сильны. Так, еще в эпоху Урукагины в XXIV в. до н. э. в Шумере имели место случаи полиандрии; в египетской семье мать занимала исключительное положение. Эти особенности отразились и в народном творчестве обществ древнего Востока, в области эпоса и фольклора. Новое слово должно прозвучать после обстоятельного исследования эпоса Шумера, открытого крупнейшим шумерологом современности, профессором университета в США, С. Н. Крамером, до шестилетнего возраста являвшимся нашим соотечественником. Шумерийские эпические песни, воспевавшие подвиги героя Гильгамеша, уже исследованы в труде С. Н. Крамера, который переводится в настоящее время на русский язык. Впрочем, вавилоно-ассирийский эпос о Гильгамеше, созданный семитическими наследниками шумерийской культуры, был впервые переведен на русский язык еще до революции В. К. Шилейко, высокоталантливым учеником известного русского ассириолога Н. М. Никольского. К великому прискорбию, этот прекрасный перевод

¹⁵ См. подробнее: И. М. Дьяконов. Этнос и социальное деление в Ассирии. «Советское востоковедение», 1958, № 6; его же. Народы древней Передней Азии. «Переднеазиатский этнографический сборник». М. 1958. Надлежит также учесть последние исследования М. А. Коростовцева и И. С. Кацнельсона по истории древней Африки в журнале «Вестник древней истории» (см. номера за 1964 и начало 1965 гг.).

пропал, и лишь несколько лет тому назад он был заменен переводом И. М. Дьяконова, снабдившего свою интерпретацию знаменитого литературного памятника обстоятельным комментарием. Немало можно извлечь и из фольклорной сокровищницы древнего Египта.

Особое место занимают вопросы духовной культуры. Требуют новых изысканий религиозные реформы египетского царя-еретика Эхнатона и персидского царя Ксеркса. Советская историческая наука располагает для решения указанных проблем силами авторитетнейших исследователей. Действительно, мы имеем для истолкования реформ Эхнатона такого крупнейшего специалиста по египетским источникам, как Ю. Я. Перепёлкин, десятилетиями работающего над адекватной интерпретацией текстов и других памятников той эпохи¹⁶. Вдумчивым аналитиком источников по реформам Ксеркса является наш иранист В. И. Абаев¹⁷. Многого следует еще сделать и в изучении научных достижений ведущих древних обществ Востока, в том числе Шумера, Вавилонии и Египта. На самом деле, система чисел в Шумере намного опередила греческую систему, поскольку первая стала предтечей арабской числовой системы, менявшей значимость одной и той же цифры в зависимости от цифрового контекста. В области стереометрии Вавилония также имела очень серьезные достижения, а вычисления нововавилонских астрономов были использованы, как известно, греческой астрономией. Египетская геометрия определила «пи» не как «3», а как «3,16», что есть не намного менее точно, нежели Архимед. В 1930 г. я интерпретировал задачу № 10 Московского математического папируса в качестве определения поверхности полушария, с чем согласились советские историки-математики Д. П. Цинзерлинг и С. Я. Лурье. Зарубежные историки-математики отказались от подобной интерпретации, свидетельствующей о высоких достижениях древнеегипетских вычислителей, но они сами побуждены были своим отказом к некоторому изменению дошедшего в папирусе текста задачи, что нельзя считать допустимым. Выдающийся советский папиролог О. О. Крюгер высказал весьма вероятное предположение, что Архимед ознакомился с «архимедовым винтом» в Египте¹⁸. В одном изданном им древнеегипетском папирусе американский египтолог Брестэд установил наличие объяснения того, как повреждение мозга влияет на функции тела. Эти и многие другие удивительные факты оригинального развития древневосточной науки хорошо известны специалистам. Полагаем, что для более тщательного изучения истории древневосточной медицины следует привлечь наших историков медицины, а в сфере древневосточной математики использовать помощь ассириолога А. А. Ваймана¹⁹ и египтолога О. Д. Берлева, работающего над русским изданием Московского математического папируса. Многого мы можем ждать и от таких исследователей искусства, как М. Э. Матье и В. В. Павлов.

Буду считать свою задачу выполненной, если высказанные здесь соображения побудят наших ученых к новым научным достижениям, а также помогут созданию первого тома фундаментальной истории мировой культуры.

¹⁶ Ю. Я. Перепёлкин. О «космополитизме» в египетской литературе эль-амарнского периода. «Сборник статей, посвященных акад. А. С. Орлову». [М.-Л.]. 1934; его же. «Дом шнау» в Старом царстве. XXV МКВ, и др.

¹⁷ В. И. Абаев. Антидэвовская надпись Ксеркса. Сборник «Иранские языки». 1945; его же. Мирозрение Авесты и Ригведы. «Труды Института языка и мышления». Вып. VIII; его же. Скифский быт и реформа Зороастра. «Archiv orientální», XXIV, 1956.

¹⁸ См. «Известия» Государственной Академии истории материальной культуры. Вып. 108, 1935, стр. 38—42.

¹⁹ А. А. Вайман. Шумеро-вавилонская математика. М. 1961; его же. Длина окружности и площади круга в древнеегипетской математике. «Древний Египет», и др.